

В этих краях дни тянулись долго. Когда Большой Кот не уходил на охоту, он обычно сворачивался в пещере и дремал.

Набив желудок, Сюй Шуанцы и сам почувствовал, как слипаются глаза.

Он прикрыл веки, прислушиваясь к тихому, ровному сопению зверя. Вдруг взгляд зацепился за кончик хвоста, лежавший у него на коленях. Тот непрерывно покачивался, будто подманивая.

Сюй Шуанцы поддался порыву и тихонько протянул руку.

Хлоп!

На тыльной стороне ладони мгновенно вспыхнула багровая полоса.

Шерсть на хвосте Цина встала дыбом, а уши прижались к затылку. Встретившись взглядом с чуть влажными от неожиданной обиды глазами Сюй Шуанцы, тигр сделал вид, будто ничего не произошло, неторопливо поднялся и перебрался к самому выходу из пещеры.

Сюй Шуанцы опустил взгляд.

Удар хвостом вышел чувствительным, словно хлестнули плетью. Кисть занемела, а кожа горела огнем.

Некоторое время он сидел в оцепенении, глядя, как Большой Кот у входа демонстративно повернулся к нему задом.

Потирая саднившую руку, Сюй Шуанцы ощутил неожиданную обиду. Подхватив лежавшую на подстилке из сухой травы шкуру, он плотно в неё завернулся.

Ведь кот сам его спровоцировал!

Спустя какое-то время Цин приоткрыл глаза. Субоборотень лежал спиной к выходу, свернувшись калачиком, точь-и-точь как беспомощный детеныш.

Цин долго всматривался в него, а затем обхватил голову лапами, хаотично задержав хвостом. Если бы кто-то присмотрелся, то заметил бы, что скрытые под густым мехом уши покраснели до самых кончиков.

Оборотни разрешают трогать свой хвост только избранникам. Если же хвост трогает тот, кто еще не стал твоим спутником, это расценивается как ухаживание и предложение союзнчества.

В золотистых глазах Цина пробежала тень смятения.

Он посмотрел на спину субоборотня и, поколебавшись, перевернулся на другой бок, уткнувшись носом в каменную стену.

Как объяснить этому хрупкому субоборотню, которого можно пришибить одним ударом лапы, что он пока не собирается искать себе пару?

Вдруг тигр втянул когти. Решение было принято.

Нужно научить субоборотня местному языку, иначе тот всё равно ничего не поймет.

В пещере воцарилась тишина. Баюкая пострадавшую руку, Сюй Шуанцы постепенно погрузился в сон. Брови его оставались сдвинуты — спалось ему беспокойно.

Проснувшись во второй половине дня, Сюй Шуанцы обнаружил, что Цина снова нет.

Прижимая к себе тяжелую шкуру, он с тоской оглядел пустую пещеру.

Вскоре пронизывающий сквозняк окончательно прогнал остатки сна.

Сюй Шуанцы самокритично ухмыльнулся.

«Осень всегда нагоняет тоску, но с каких пор я стал таким чувствительным?»

Жизнь продолжалась. Он взял лежавшую неподалеку шкуру и вернулся к шитью.

Костер все еще тлел — похоже, Цин перед уходом подбросил дров. Заметив это, Сюй Шуанцы невольно разгладил хмурые брови.

Он вскипятил пару котелков воды и заодно постирал пижаму, в которой попал в этот мир.

У входа гулял сильный ветер, так что повешенная на торчавшую из скалы ветку одежда высохла за считанные минуты.

Чихая, Сюй Шуанцы вернулся в глубину пещеры и сделал несколько жадных глотков кипятка, чтобы согреться.

С каждым днем становилось все холоднее, нужно было как можно скорее делать запасы еды.

С этой мыслью он прибавил ходу, протаскивая иглу сквозь жесткую кожу.

В пещере царил покой. У входа трепетали на ветру небесно-голубые вещи.

Они были насквозь пропитаны запахом субоборотня — свежим, как умытый дождем лес, с легкой прохладной ноткой древесины.

Дневная охота выдалась не слишком удачной: Цин добыл лишь пару норных Длинноухих Зверей.

Проходя мимо входа и заметив, как субоборотень все еще воюет со шкурой, он невольно убавил шаг.

За несколько дней непрерывных вылазок накопились туши, которые требовалось разделать и завялить. Заниматься обработкой мелкой дичи каждый раз отдельно было слишком нерационально, поэтому он скапливал добычу за пару-тройку дней. В холодную погоду мясо все равно не портилось.

Не став беспокоить Сюй Шуанцы, Цин связал добычу лианами и потащил вниз по течению горного ручья.

К востоку обильно текли воды, и внизу несколько ручьев сливались в полноводную реку.

Перекинувшись в человека, Цин обернул бедра куском кожи.

Он был высок — под метр девяносто, статен и поджар. Рельефные мышцы под гладкой кожей наливались скрытой мощью.

Короткой полоской кожи Цин наживую перевязал белоснежные волосы, спадавшие до самой поясницы, и присел на плоский валун у воды.

Камень был гладким, а сорная трава вокруг давным-давно вытоптана — Цин часто приходил сюда.

Он ловко вспарывал брюшины, сортировал внутренности и выбрасывал негодное. Мех аккуратно снимал, чтобы позже выделать древесной золой.

В его пещере шкур Зверей Золотых Зрачков водилось немного — всего пять штук.

Эти твари отличались крупными размерами, но поймать их было непросто, да и попадались они все реже. Их мех славился густотой и мягкостью, поэтому оборотни охотно выменивали его на

подстилки и набедренные повязки.

В зверином облике Цину хватало собственной шерсти, так что в прошлые годы он легко обходился и меньшим запасом.

Но теперь рядом появился субоборотень.

В крупных племенах жилища субоборотней от пола до потолка выстилали именно такими ценными шкурами.

Цин пока не мог позволить себе подобную роскошь, но старался раздобыть хотя бы еще одну мягкую подстилку.

Вся вторая половина дня ушла на разделку.

Сумерки в этих местах сгущались стремительно.

Связав завяленное мясо и вымытые шкуры, Цин взвалил их на спину и направился к пещере.

Едва подобравшись к входу, он различил в полутьме силуэт.

Хвост тигра радостно взметнулся вверх — и тут же замер.

— Ты вернулся!

Субоборотень с улыбкой сделал несколько шагов навстречу, но, не дойдя совсем немного, резко остановился.

Цин плавно опустил хвост и отвернулся, будто ослепленный искренней радостью, сиявшей в глазах человека.

Улыбка на лице Сюй Шуанцы угасла. Опустив взгляд, он молча отступил в глубину пещеры.

Цин отнес разделанное мясо в соседнюю нишу и развесил его на лианах. Шкуры разложил снаружи на просушку — как только просохнут, их можно будет пустить в дело.

На ужин снова было густое наваристое рагу.

Сюй Шуанцы честно поделился с Цином половиной. Убрав за собой, он бесшумно уселся у огня и вновь принялся за шитье.

Пламя плясало, отбрасывая длинные тени.

Цин, устроившийся было у самого входа, поглядел на яркий костер и переполз поближе.

Нынче субоборотень был совсем неразговорчив.

Прислушиваясь к треску поленьев, тигр прищурился. Его подушечки лап нервно сжимались и разжимались в сухой траве.

Хотя они жили бок о бок не так долго, после первых настороженных дней человек щебетал не замолкая.

Внезапное молчание навевало тоску, заставляя Цина снова почувствовать себя абсолютно одиноким.

Огромная пушистая голова перекатывалась с одной лапы на другую, а хвост неугомонно разметал сухие стебли.

Но сколько бы тигр ни ворочался, человек даже не поднял головы.

Цин приподнялся и с безразличным видом бросил взгляд в его сторону. Вдруг он заметил, что на белой тыльной стороне ладони субоборотня вздулась нездоровая багровая припухлость.

Хвост Цина вытянулся в струну.

Опустив хвост, тигр поднялся и бесшумно скрылся в темноте.

Заметив, что Большой Кот ушел, Сюй Шуанцы поднял голову. По шуршанию шагов он понял, что зверь просто перебрался в соседний грот, и немного расслабился.

Несмотря на все старания, куртка из кожи была готова едва ли наполовину.

Сюй Шуанцы глубоко вздохнул, размял затекшие пальцы и вновь уткнулся в работу.

За пределами пещеры неумолчно завывал ночной ветер.

Из соседней ниши донеслись непонятные шорохи, и вскоре Цин вернулся.

Заслонив собой свет, над Сюй Шуанцы нависла гигантская тень. Он сощурился и поднял взгляд, случайно задев носом пушистый мех, пахнувший свежей травой.

Цин аккуратно положил к нему на колени свернутый лист.

Кончик его хвоста невесомым перышком скользнул по ушибленной кисти.

— Лекарство. Помажь.

В теплом свете костра белоснежный тигр казался настоящей горой. Покачивание его хвоста гипнотизировало, и Сюй Шуанцы на миг замороженно замер.

Уши Цина нервно дернулись, он тут же спрятал хвост за спину и торопливо подтолкнул подношение лапой.

Сюй Шуанцы сначала недоумевал, но, проследив за взглядом тигра, устремленным на его пострадавшую руку, все понял.

Развернув лист, он обнаружил густую темно-зеленую кашу.

— Лекарство?

Цин повторил слово, а затем назвал его на наречии Золотого Континента.

Слово за слово, и вот уже Сюй Шуанцы с улыбкой в глазах наносил снадобье на ушиб.

Цин оторвал узкий лоскут мягкой кожи.

Сюй Шуанцы благодарно принял его и перевязал руку. Затем ткнул пальцем в лоскут:

— А это как называется?

Встретившись взглядами, они без слов поняли друг друга.

Весь оставшийся вечер Сюй Шуанцы указывал на вещи в пещере, а Цин терпеливо называл их на местном языке.

Память у Сюй Шуанцы была отличной — хватало пары повторений, чтобы слово намертво засело в голове.

Благодаря этой мази лед между ними растаял.

Более того, когда Сюй Шуанцы в очередной раз замучился пробивать жесткую кожу, Цин сам протянул лапу.

Из чего только состояли эти когти? Прочный материал, поддававшийся человеку с великим трудом, под ними расходилась, словно мягкий сыр.

С такой помощью кожаная куртка была готова уже к концу ночи.

Поспав несколько часов, Сюй Шуанцы снова отправился вместе с Цином на поиски пропитания.

Крупного зверья в округе было не видеть — ни одного сопоставимого с оленем гиганта.

Цин привычно привел его на поляну с клубнями.

Осень уже вступила в свои права, однако вечнозеленых растений в чаще хватало. В низинах буйствовали лианы — точно гигантские змеи, они обвивали стволы и переплетались между собой, образуя непроницаемую зеленую сеть. Из-за этого в лесу царил полумрак.

В этой сумрачной тишине Сюй Шуанцы методично копал яму за ямой.

Уйдя в работу с головой, он даже забыл о страхе.

Ушиб на тыльной стороне ладони благодаря мази прошел, но от усердного труда мотыгой на ладонях выскочили болячие мозоли. Обессиленно прислонившись к стволу дерева, он раскрыл кисти.

Взглянув на водянистые пузыри, Сюй Шуанцы тихо вздохнул.

Передохнув и перекусив дикими плодами, он обмотал ладони кусочками кожи и снова взялся за дело.

Около полудня Цин наведалься проверить, все ли в порядке, и, убедившись в безопасности человека, снова исчез в чаще.

Сюй Шуанцы копал до самого вечера, пока не перерыл весь участок.

Земля выглядела так, будто по ней прошелся плуг, оставив лишь совсем тонкие незрелые побеги. В центре поляны высилась внушительная гора клубней — навскидку центнера на полтора.

Эти Сладкие Корни отличались нежной крахмалистой мякотью и отлично утоляли голод. Сюй Шуанцы решил сделать их своей основной пищей.

В густом лесу трудно следить за временем, но Сюй Шуанцы заметил, что сумрак сгущается.

Внезапно ощутив на себе пристальный взгляд, он обернулся и увидел Цина, мчавшегося прямо на него.

Сюй Шуанцы даже не шелохнулся, только крепче прижался спиной к древесному стволу.

Тигр не успел вовремя затормозить и со всего маху врезался своей огромной башкой человеку прямо в грудь.

Сюй Шуанцы глухо ахнул.

Он судорожно обхватил мохнатую голову, чувствуя, как съеденные плоды подступили к самому горлу.

Цин замер.

Неловко перебирая лапами, он быстро отскочил назад.

— Не... отскочил? — прорычал Цин.

— Ну зачем ты меня вечно пугаешь? — одновременно выдохнул Сюй Шуанцы.

Оба заговорили разом, но ни один не понял ни слова.

Цин нетерпеливо задел лапой кожаную обмотку на руке человека.

Сюй Шуанцы вздрогнул и отдернул кисть, прикрывая её второй рукой.

— Больно... — у него даже слезы выступили от резкой вспышки.

От непрерывной работы пальцы совершенно онемели, и лёгкое прикосновение тигра отзывалось такой болью, словно с ладони содрали кожу.

Цин хлестнул хвостом, окинув долгим взглядом сжавшегося у корней щуплого субоборотня.

«До чего же слаб. Даже сам себе способен навредить».

Сюй Шуанцы, шипя от боли, осторожно отогнул край кожаной повязки.

Мозоли лопнули, сочащаяся сукровица прилипла к замше. Сжав зубы, он тут же прикрыл рану обратно.

Заметив, что Цин всё ещё гипнотизирует его взглядом, Сюй Шуанцы торопливо указал на собранный урожай:

— Вернемся в пещеру и перевяжем. Нам ещё эту гору тащить.

Цин развернулся, но кончик его хвоста вновь ненароком задел щеку человеку.

Оборотень ловко протиснулся сквозь сплетение лиан, подхватил груз, и две внушительные вязанки Сладких Корней уже покоились по обе стороны его спины.

Сюй Шуанцы погладил щеку.

«У этого Большого Кота хвост живет какой-то своей жизнью».

<http://bllate.org/book/20124/1992992>